

О КЛАССИФИКАЦИИ АЛЛЮЗИВНЫХ ИМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье приводятся существующие на сегодня различные способы классификации аллюзивных имен. Автором предлагается собственная классификационная модель, основанная на особенностях актуализации дифференциальных признаков.

Ключевые слова: аллюзивное имя, прецедентный текст, классификация, интертекстуальность, дифференциальные признаки, атрибут.

В последнее десятилетие в лингвистике осуществился переход на антропологическую парадигму исследования. В свете новой научной парадигмы человек немислим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. Язык вторгается во все мыслительные процессы: человек создает текст, который запечатлевает динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка.

Все большее внимание привлекают исследования аллюзий в связи с интересом к неявным способам передачи информации в тексте. Аллюзия рассматривается либо с позиции интертекстуальности (как прецедентный текст), либо с позиции когнитивной лингвистики (как ментальная единица), либо с позиции стилистических приемов (как фигура речи).

Следует отметить, что термин «прецедентность» становится одним из наиболее активно употребляемых в последнее время в теоретической и прикладной лингвистике. Причиной столь пристального интереса, вероятно, послужило введение Ю. Н. Карауловым понятия прецедентного текста, под которым он понимает тексты:

1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении;

2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников;

3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [1, с. 216].

Наряду с понятием прецедентный текст, также можно выделить понятия «прецедентное высказывание», «прецедентная ситуация» и «прецедентное имя».

Д. Б. Гудков к прецедентным именам относит группу имен, которые относятся к ядру языковых средств хранения и трансляции культурной информации, «играющая ведущую роль в формировании национального и, следовательно, языкового сознания, определяя шкалу ценностей и модели поведения» [2, с. 142]. Статусом прецедентных обладают те индивидуальные имена, которые входят в когнитивную базу индивида либо нации, т. е. «инвариан-

тное представление обозначаемого ими «культурного предмета» является общим для всех членов лингвокультурного сообщества» [2, с. 146]. Так, к числу прецедентных имен можно отнести имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к числу прецедентных (например, *Обломов*, *Ромео и Джульетта*), или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Робинзон Крузо*, *Колумб*), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (*Робин Гуд*, *Золушка*).

Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. К числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера, афоризмы, пословицы, поговорки [3, с. 65].

Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация; означивающим прецедентной ситуации может быть прецедентное высказывание или прецедентное имя, а также непрецедентный феномен [4, с. 45].

Дифференциальные признаки составляют некую сложную систему определенных характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных, и могут включать характеристику предмета по внешности, чертам характера или актуализироваться через прецедентную ситуацию. Оценка, выраженная с помощью прецедентного имени, подчеркнута эмотивна и не претендует на объективность [2, с. 124].

Все названные феномены тесно взаимосвязаны. Необходимо отметить, что термины «прецедентное высказывание», «прецедентная ситуация», «прецедентное имя» в традиционной стилистике собраны под единым названием – аллюзия [5, с. 11].

При актуализации одного из них может происходить актуализация сразу нескольких остальных. Прецедентные феномены, связанные общностью происхождения, могут выступать и как символы друг друга [2, с. 108].

Важнейшей функцией прецедентных феноменов, является формирование, или определение, не-

кой парадигмы поведения, языковой реакции реципиента. Ведь прецедентные тексты, представляя собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки – стереотипы, образцы, мерки для сопоставления, используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из «фактологического» контекста мысли в «ментальный» [1, с. 220].

Несмотря на ряд имеющихся работ, посвященных исследованию сущности феномена аллюзии, вопрос о классификационной типологии аллюзии все же остается недостаточно изученным и актуальным по сей день. Считаем целесообразным кратко охарактеризовать имеющиеся классификации и предложить свою модель классификации аллюзивных имен.

В основе одной из имеющихся классификаций лежит критерий прямого и переносного характера употребления имени собственного. Так, С. В. Перкас полагает, что аллюзии могут быть использованы в *прямом смысле*, без метафорических преобразований, а также в *переносном смысле*. Аллюзивные имена собственные, используемые в прямом смысле, служат для создания *художественной детали*, вносящей дополнительные штрихи в интерпретацию текста, его персонажей. Использование имен собственных в *переносном смысле* представляет собой стилистический прием, в котором аллюзия служит основой для построения метафоры, сравнения, эпитета [6, с. 91].

Кроме этого, С. В. Перкас предлагает классифицировать аллюзивные имена собственные на основе предмета ссылки. Ссылка может быть осуществлена на авторов, персонажей, названия других художественных произведений. Подобным образом выделяются типы аллюзий. По определению ряда исследователей, аллюзия также может функционировать как средство расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических персонажей и событий на свойства и качества объектов, о которых идет речь в данном высказывании. В таком случае аллюзия не только восстанавливает хорошо известный образ, но и извлекает из него дополнительную информацию для характеристики объекта [7, с. 192].

В основу классификаций аллюзий могут быть заложены содержательные, структурно-семантические или функциональные признаки.

Так, Н. Ю. Новохачёва в своей работе предлагает тематическую классификацию, включающую 11 классов: 1) литературно-художественные аллюзии; 2) фольклорные аллюзии; 3) кинематографические аллюзии; 4) песенные аллюзии; 5) газетно-публицистические аллюзии; 6) крылатые аллюзии; 7) официально-деловые аллюзии; 8) интермедийные аллюзии; 9) библеизмы; 10) научные аллюзии; 11) контаминированные экспрессымы [8, с. 116].

Многоаспектный характер имеет классификация аллюзивных антропонимов в диссертации М. А. Соловьёвой (2004), выполненная на материале произведений А. Мердок. В своем диссертационном исследовании М. А. Соловьёва, в зависимости от временной принадлежности отсылки, предлагает разделить аллюзивные имена на современные и историко-культурные.

М. А. Соловьёва в рамках своей модели также выделяет следующие разновидности аллюзий: а) маркированные аллюзивные антропонимы (аллюзивные антропонимы, сопровождаемые в тексте маркерами сравнения, такими как like, as if, similar to, as ... as, not as...but as, a sort of, as, a kind of; б) немаркированные аллюзивные антропонимы (аллюзивные единицы, не сопровождаемые маркерами сравнения) [9, с. 14]. Следует отметить, что термины «аллюзивный антропоним» и «аллюзия» используются как синонимы.

В основе построения нашей классификации лежат следующие критерии: сравнение по: а) внешним данным (волосы, глаза, телосложение, походка, рост, одежда); б) личностным качествам (черты характера, привычки) и в) действиям (поведение, поступки).

Присваивая своему литературному герою то или иное аллюзивное имя, автор переносит на него качества и характеристики объекта, послужившие прототипом для возникновения аллюзии.

Сформировавшийся в сознании реципиента образ вызывает ассоциативный ряд признаков и тем самым возникает имя-стереотип, которым мы называем предмет нашей речевой деятельности. Сравнение может быть основано чаще всего на одном признаке или на двух, реже на всех трех признаках. Так, к примеру, если у аллюзивного имени чаще всего актуализируется какой-то один признак (внешность, черта характера, род деятельности и т. д.), то он будет проявлять себя моновалентно. Напротив, некоторые аллюзии могут быть объемными, включать в себя ряд признаков, причем один из них будет являться основным, а другие же дополнительными. В разных ситуациях автор по своему усмотрению может актуализировать тот или иной признак. Такие аллюзии назовем амбивалентными. С. Л. Кушнерук в своей работе употребляет термины «однополюсные» и «многополюсные имена» [10, с. 16].

Аллюзия часто рассматривается как средство создания добавочного имплицитного смысла и привлекается к анализу понятий импликации, пресуппозиции, подтекста. Имплицитный смысл высказывания, текста осознается в значительной степени благодаря знанию того мира, в котором мы живем. Говоря о семантике аллюзий, можно выделить понятие «импликационал». Импликационал

образует совокупность ассоциативных и оценочных сем, обусловленных и варьирующихся в контекстах. В своей семантической структуре аллюзивное имя имеет несколько периферийных зон (зону сильного, слабого (свободного) и отрицательного импликационалов). Признаки сильного импликационала близки к интенциональному ядру, составляя почти неперемную часть лексического значения, поэтому они часто попадают в толкования значений в словарях. К слабому импликационалу относятся менее вероятностные признаки. Отрицательный импликационал образуют невозможные или маловероятные признаки.

Рассмотрим специфику этих классификаций аллюзий на нескольких примерах.

Известный классик английской литературы Томас Гарди проявлял особый интерес к аллюзиям. Анализируя его произведения, можно узнать многое о содержании Библии, поскольку у Гарди большинство аллюзий на библейские персонажи и события. Например, одной из таких аллюзий является имя *Samson*.

She made him sit up, and then Oak began wiping his face and shaking himself like **a Samson** (Hardy. *Far From the Madding Crowd*).

В вышеприведенном примере аллюзивное имя *Samson* является маркированным, так как в отрывке сопровождается маркером *like*. Согласно библейской Книге Судей (гл. 13–16), Самсон обладал огромной силой, которая заключалась в его волосах. Коварная филистимлянка Далила усыпила его на коленях и велела остричь его волосы. Проснувшись, Самсон понял, что силы покинули его, и не смог противостоять филистимлянам. Он был схвачен, ослеплен, закован в цепи и брошен в тюрьму. У Т. Гарди фермер Оук, придя в себя после потери сознания, обнаружил, что его голова лежит на коленях девушки. Почувствовав неладное, он начинает разминаться как Самсон, пробуя свою силу.

Аллюзия *Samson* возникла на основе сравнения схожих действий, хотя у фермера нет таких волос, как у Самсона, и, следовательно, нет такой силы, но, очнувшись, он пробует себя в движениях, как и Самсон некогда, возможно, делал это, желая удостовериться, что не лишился своих сил. Следует отметить, что в Библии нет точного описания того, что именно делал Самсон от момента, как он проснулся, и до того, как он понял, что с потерей волос лишился своих сил. Следовательно, в данном примере признак схожести действий войдет в область отрицательного импликационала аллюзивного имени *Samson*, поскольку подобное действие лишь предполагается автором.

К зоне сильного импликационала аллюзии *Samson* относятся «сила» и «длинные волосы», поскольку сила Самсона заключалась в его волосах. Такие признаки, как «слепота», «слабость», «возлюбленная (Далила)», «предательство», войдут в зону слабого импликационала.

Эти признаки мы можем проиллюстрировать на примерах из романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». В следующем отрывке актуализируется сравнение по схожему личностному качеству – силе.

By God! I long to exert **a fraction of Samson's strength**, and break the entanglement like tow! (Bronte. *Jane Eyre*).

Автор использует аллюзию *a fraction of Samson's strength* для того, чтобы показать, насколько сложными и серьезными казались проблемы мистера Рочестера, что он мечтал обладать силой Самсона, дабы суметь решить их.

But in his countenance, I saw a change: that looked desperate and brooding – that reminded me of some wronged and fettered wild beast or bird, dangerous to approach in his sullen woe. The caged eagle, whose gold-ringed eyes cruelty has extinguished, might look **as looked that sightless Samson** (ibidem).

Как известно, в доме у мистера Рочестера начался пожар, виновницей которого была его безумная жена. Спасая жену, мистер Рочестер потерял кисть правой руки и полностью ослеп. Увидев Рочестера, Джейн Эйр невольно сравнивает его с плененным орлом, чьи глаза были жестоко вырваны, – бедным ослепшим Самсоном. Маркированная аллюзия *as looked that sightless Samson* помогает автору выразить весь драматизм ситуации.

По функциональному принципу М. А. Соловьёва разделяет аллюзии на текстообразующие и фрагментарные; единичные и рекуррентные [9, с. 14].

Текстообразующие аллюзии способствуют формированию внутренней художественной системы текста, развитию единой темы, а **фрагментарные** выполняют функцию художественной детали. **Рекуррентные** аллюзии – это аллюзии, повторяющиеся два и более раз в одном или нескольких текстах одного писателя.

Е. Н. Коваленко считает, что аллюзии как языковые единицы формируют определенную системную иерархию, и в основу своей классификации включает такие критерии, как способ репрезентации аллюзии в речевой деятельности, характер связи аллюзии с источником, семантическая сфера аллюзии, образный потенциал аллюзии (способность формировать разноуровневые ассоциатив-

ные связи). Таким образом, Е. Н. Коваленко выделяет простые и сложные аллюзии.

Простая аллюзия – аллюзия, построенная на обращении к одному сказочному объекту и, соответственно, одному прецедентному тексту-источнику. У простой аллюзии могут быть выделены два подвида:

1) простая однозначная аллюзия, имеющая одно значение, выражающее определенный признак одного объекта;

2) простая многозначная аллюзия, имеющая два и более значения, передающие признаки одного объекта;

Сложная аллюзия – аллюзия, представляющая два и более сказочных объекта. У рассматриваемого вида аллюзии могут быть выделены следующие подвиды:

1) сложная многокомпонентная аллюзия – аллюзия, представляющая два и более сказочных объекта, возникших на основе одного прецедентного текста-источника;

2) сложная комбинированная аллюзия – аллюзия, представляющая два и более сказочных объекта, которые относятся к разным прецедентным текстам-источникам [11, с. 66–67].

Рассматривая «аллюзию» *Samson*, суммируя все вышеуказанные критерии для классификации, можно считать, что аллюзивное имя *Samson* является: 1) библейской; 2) фрагментарной; 3) рекуррентной; 4) амбивалентной и 5) простой многозначной аллюзией.

В романе Уильяма М. Теккерея «Ярмарка тщеславия» также неоднократно используется аллюзивное имя *Samson*. Если в предыдущих примерах были простые аллюзии, то в следующих встретим подвиды сложной аллюзии.

‘I’ll make your fortune,’ she said; and **Delilah** patted **Samson’s cheek** (Thackeray. *Vanity Fair*).

.... ‘By Jove, Beck, you’re fit to be Commander-in-Chief, or Archbishop of Canterbury, by Jove.’ Is his case a rare one? and don’t we see every day in the world many an honest **Hercules** at the apronstrings of **Omphale**, and great whiskered **Samsons** prostrate in **Delilah’s** lap? (ibid).

Delilah had imprisoned him and **cut his hair off**, too (ibid).

В первых двух примерах представлена сложная многокомпонентная аллюзия *Samson and Delilah* и в последнем – сложная комбинированная аллюзия *Samson and Delilah* и *Hercules and Omphale*.

В первом случае известный персонаж У. М. Теккерея Беки Шарп представлена автором в роли Далилы, а Родон Кроули – в качестве ее возлюбленного. Как известно, чары Далилы лишили Самсона

его необыкновенной силы. В этом отрывке интенцией автора было показать не предательство, не чудесную силу героя, не его волосы, а его слабость, но слабость не ту, которая появилась в результате потери волос, а слабость как некая зависимость от любимой женщины.

Второй пример также иллюстрирует, насколько порой мужчины зависимы от своих жен, возлюбленных. Здесь кроме аллюзии *Samson and Delilah* вводится автором и другая пара аллюзивных имен *Hercules and Omphale*. В мифологии Геркулес (Геракл), влюбленный в лидийскую царицу Омфалу, в женской одежде прят шерсть у ее ног, выполняя все ее прихоти. Самсон же, ослепленный любовью, признался Далиле, что его сила заключается в волосах, и тем самым погубил себя. В этом примере говорится, что в мире много подобных Геркулесов и Самсонов, которые теряют голову от любви к Омфалам и Далилам.

В последнем отрывке актуализируется значение предательства Далилы. Таким образом, здесь автор использует аллюзию на основе сходства действий. Однако в данном случае персонаж лишился волос лишь образно. А вот в следующем примере автор обыгрывает ситуацию комически:

Something of **the strength of Samson** went out of him as he inspected his hair on **the bosom of Delilah** (Meredit. *The Ordeal of Richard Feverel*).

Герой романа Дж. Мередита, увидев свой волос на платье девушки, вдруг почувствовал, что силы покинули его. На самом деле герой не обладал никакой такой особой силой, он был в некотором роде слабым и хилым юношей, и аллюзия в этом примере показывает ироническое отношение автора к своему герою.

Tears came into the mother’s burning eyes as her heart recurred to the days when she had rocked the cradle of ‘her first-born; and then the full consciousness of the present situation came upon her, and perhaps annoyed at having shown any softness of character in the presence of the **Delilah** who had lured him to his danger, she spoke again, and in a sharp tone (Gaskell. *Mary Burton*).

Э. Гаскелл в своем романе «Мэри Бартон», используя аллюзию *Delilah*, показывает отношение матери Джема к его возлюбленной Мэри. Возможно, ревность и злоба вызвали у миссис Уилсон образ Далилы, она со слезами на глазах вспоминает сына еще в колыбели, но затем она осознает, что сына нет рядом, что он в тюрьме, и в этом она винит Мэри, ведь Джем попал в тюрьму, желая помочь девушке. На самом деле, Мэри и не предавала никого, как это однажды сделала Далила. Однако

Джем, так же как и Самсон, оказался в тюрьме. Имя *Delilah* в данном примере является библейской, немаркированной, фрагментарной, моновалентной и простой однозначной аллюзией.

Аллюзия *Samson* встречается в паре с другим аллюзивным именем *Solomon* в романе Э. Гаскел «Крэнфорд».

“Well!” said Miss Pole, “well, Miss Matty! men will be men. Every mother’s son of them wishes to be considered **Samson and Solomon** rolled into one – too strong ever to be beaten or discomfited – too wise ever to be outwitted (Gaskell. Cranford).

В этом примере автор использует сложную комбинированную аллюзию *Samson and Solomon*, основанную, так же как и в предыдущем примере, на сравнении личностных качеств, в данном случае силы и мудрости. Одна из жительниц Крэнфорда миссис Пул полагала, что любой мужчина желает быть Самсоном и Соломоном в одном лице, сильным, чтобы никто не смог его одолеть, и мудрым, чтобы никто не смог перехитрить его.

«I gave Spouncer a black eye, I know; that’s what he got by wanting to leather me; I wasn’t going to go halves because anybody leathered me.»

«Oh, how brave you are, Tom! I think you’re **like Samson**. If there came a lion roaring at me, I think you’d fight him, wouldn’t you, Tom?» (Eliot. The Mill on the Floss).

Сильный человек никак не может быть трусом, вот и юная героиня Джордж Элиот приходит к такому выводу, сравнивая брата с Самсоном. Возможно, слушая рассказ брата о том, как он побил своего одноклассника, Мэгги представляла Тома Самсоном. Может быть, кому-то поступок Тома покажется недостойным восхищения, однако на деле действия Тома благородны и оправданы. Том не желал входить в долю с одноклассниками на различные сладости, он хотел скопить денег и купить сестре лесу для удочки, чтобы вместе ходить на рыбалку.

Не только Мэгги, но и Том читал истории и восхищался многими библейскими героями.

«Why, were the Greeks great fighters?» said Tom, who saw a vista in this direction. «Is there anything like **David and Goliath** and **Samson** in the Greek history?»

“Oh, there are very fine stories of that sort about the Greeks,—about the heroes of early times who killed the wild beasts, as **Samson** did (Eliot. The Mill on the Floss).

В этом примере приводится сложная комбинированная аллюзия *like David and Goliath and Sam-*

son. У всех мальчиков в детстве бывают кумиры, герои, на которых они хотят быть похожи. У Тома образцами для подражания были Давид, Голиаф и Самсон, наверное, потому, что этих троих библейских героев объединяет сила, храбрость, отвага.

В вышеприведенных примерах мы рассмотрели аллюзии на персонажей из Библии. Библия в наше время уже не является достоянием какой-то конкретной нации. Библия – часть мирового религиозного, культурного наследия.

В произведениях английской литературы можно встретить разные виды аллюзий. Часть аллюзивного фонда английской литературы принадлежит исконно культуре данного народа. Таковы, например, многочисленные литературные аллюзии из произведений Уильяма Шекспира, Чарльза Диккенса, сестер Бронте, Томаса Гарди и многих других выдающихся английских писателей, а также аллюзии, связанные с историей страны и историческими личностями.

Особый интерес представляют аллюзии из национального фольклора. Знание мифологии и народного фольклора является частью классического образования. В литературном наследии каждого народа имеются произведения разных жанров, которые в такой мере являются частью национального самосознания, что желание как-то воспользоваться ими в своем творчестве возникает у многих авторов.

Аллюзия содержит в себе скрытую информацию, которая позволяет дать характеристику человека через литературный персонаж. Одним из основных условий полного раскрытия аллюзии является ее «узнаваемость». Использование аллюзий предполагает, что объект известен и говорящему, и реципиенту. Если аллюзия не несет никакой информации для реципиента, ее употребление теряет смысл [7, с. 192].

Безусловно, всем знаком такой персонаж, как Робин Гуд. Автор, употребляя аллюзию *Robin Hood*, может с уверенностью предположить, что тот смысл, который он заложил в этом аллюзивном имени, будет обязательно и правильно декодирован.

Следует отметить, что Робин Гуд – герой средневековых английских народных баллад. Соответственно, аллюзивное имя *Robin Hood* является частью английской лингвокультуры. Другие похожие аллюзии – это *Blue Beard*, *Robinson Crusoe*, *Falstaff*, *Gulliver* и т. д.

Имя Робин Гуд в первую очередь вызывает в сознании реципиента образ храброго, отважного человека, защитника бедных и обездоленных. «Благородство» – активный признак данной аллюзии, его сильный импликационал, а «стрелок», «шляпа с пером», «зеленый камзол» будут пассивными признаками из области слабого импликационала.

Рассмотрим специфику актуализации пассивных признаков аллюзивного имени *Robin Hood* на следующих примерах:

So far, the only thing he had bought was a **Robin Hood hat** with a picture of Rumfoord on one side and a picture of a sailboat on the other, and with his own name stitched on **the feather** (Vonnegut Jr.. *The Sirens of Titan*).

One shiny, podgy, prosperous little man in a **sporty linen suit of Robin Hood green**, working far too conscientiously for a Saturday (Le Carre. *The Honourable Schoolboy*).

Ранее приводились примеры аллюзий, основанные на сравнении по личностным качествам и схожим действиям. Данные примеры несколько отличаются от всех вышеприведенных тем, что сравнение осуществляется по другому признаку, ранее не указанному. Эти два примера объединяет тот факт, что признак, лежащий в основе их сравнения, принадлежит к зоне слабого импликационала аллюзивного имени *Robin Hood*. «Перо на шляпе» и «зеленый камзол» являются атрибутами героя английского фольклора Робина Гуда.

Атрибутами называются некие «элементы», тесно связанные с означаемым прецедентным именем, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации, например: кепка Ленина, бакенбарды Пушкина [4, с. 82]. Мы полагаем, что атрибутом может быть названо органическое и неорганическое свойство объекта. Например, меч в аллюзии *Дамоклов меч* служит неорганическим атрибутом, а волосы и сила в аллюзии *Самсон* – органическими. В вышеуказанных примерах «шляпа с пером», «зеленый камзол» – неорганические элементы аллюзивного имени *Robin Hood*.

Таким образом, в классификацию можно включить еще один критерий, такой как «атрибут». Дополненная классификация будет выглядеть следующим образом: аллюзивное имя, связывающее литературного героя с его прообразом, формируется в результате сравнения по: а) внешним данным; б) личностным качествам; в) действиям и поступкам и г) наличию атрибута.

В литературоведении аллюзия изучается как словесный художественный образ, функционирующий в качестве украшения текста. Однако аллюзия выступает не только в качестве стилистического приема, украшающего художественное произведение.

Благодаря своей способности к символическому обозначению, она служит средством передачи информации в более сжатой форме. Аллюзивные имена, имея множество признаков как основных, так и дополнительных, обеспечивают глубину и множественность интерпретации текста или персонажа.

Аллюзия является способом связи текста, выражения интенции автора. Наделение аллюзии смыслом и его декодирование всегда субъективированы авторским и читательским видением рассматриваемой проблемы.

В каждую историческую эпоху в антропонимиконе – реестре личных имен – той или иной страны или культуры есть имена, в семантике которых присутствуют определенные национально-специфические, культурно-исторические или символические коннотации. Это, как уже отмечалось ранее, имена известных личностей, библейских, мифологических и литературных персонажей, наделенных яркими характерологическими чертами; распространенные среди носителей языка личные имена. Такие имена со временем становятся национально признаваемыми, их содержание наполняется определенным набором признаков (характер, поведение, внешность, национальный статус), ассоциации становятся устойчивы и социально значимы для языкового коллектива. Оставаясь по форме именами собственными, эти имена утрачивают в значительной мере признаки своей категории и становятся символами тех или иных качеств, признаков, характеристик людей [12, с. 3].

Подобные имена определяют ориентиры лингвокультурного сообщества, «задавая шкалу ценностных ориентаций и моделей социального поведения» [13, с. 129].

Аллюзии, несомненно, обогащают, насыщают художественный текст и дают возможность авторам передать информацию в некой зашифрованной форме, оболочке. Главной задачей реципиента и исследователя является не просто «узнать», но и декодировать тот замысел, ту идею, которую авторы хотят донести при помощи различных аллюзий. Процесс декодирования может быть очень увлекательным и неожиданным.

При изучении феномена аллюзии следует принимать во внимание существующие классификации и рассматривать каждую аллюзию в комплексе данных классификаций, с учетом всех ее особенностей.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 261 с.
2. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.
3. Красных В. В., Гудков Д., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МУ. 1997. № 3. С. 62–75.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

5. Петроченко Л. А. Об ассоциативных основах формирования аллюзий // Иностранный язык и иноязычная культура в образовании: тенденции, проблемы, решения. Сб. науч. ст. по мат-лам IV Всерос. науч.-метод. конф. ТГПУ (14–15 апреля 2005 г.). Томск, 2005. С. 10–13.
6. Перкас С. В. Имена собственные и нарицательные в словаре и художественном тексте // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 25. Ономастика. Ч. 1. Имя и культура. М., 1993. С. 141–143.
7. Петроченко Л. А. Коваленко Е. Н. К вопросу об ассоциативных основах метафоры // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Вопросы преподавания иностранных и национальных языков: Сб. ст. междунар. конф. «XXIV Дульзонские чтения». Томск, 22–26 июня 2005 г. / отв. ред. О. А. Осипова. Томск: Ветер, 2005. С. 191–196.
8. Новохачёва Н. Ю. Стилистический прием литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX – начала XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005.
9. Соловьёва М. А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на материале романов А. Мердок и их русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
10. Кушнерук С. Л. Сопоставительное изучение прецедентных имен в российской и американской рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.
11. Коваленко Е. Н. Когнитивные аспекты сказочной аллюзии: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009.
12. Горбунова Е. А. Лингвокультурный комментарий прецедентных феноменов в англоязычном художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008.
13. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.

Цыренова А. Б., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: ts_sawa@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 23.04.2010.

A. B. Tsyrenova

CLASSIFICATION OF ALLUSIVE NAMES

The article deals with the present-day existing ways of classification of allusive names. The author suggests her own classification model of allusions based on the peculiarities of actualization of differential features.

Key words: *allusive name, allusion, precedent text, classification, intertextuality, differential features, attributes.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634061.

E-mail: ts_sawa@sibmail.com